

ИЗЪ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ.

I.

Кончина старца Василя.

1-го Апрѣля 1915 г. въ 10 ч. утра тихо почилъ въ Киновіи, 80-лѣтній старецъ о. Василій, послѣдній сынъ схимонаха Филиппа, подвижника Черниговскихъ пещеръ, близъ Троице-Сергіевой Лавры.

Схимонахъ Филиппъ и его три сына трудились при основаніи пещеръ въ Черниговскомъ скиту. Они же своими трудами поддерживали и Зосимову пустынь. *Послѣдніе дни* своей жизни старца отдали на созиданіе Киновіи, гдѣ всѣ четверо и почилъ въ преклонномъ возрастѣ.

Благодаря Черниговскимъ пещерамъ возросли двѣ извѣстныя обители—Черниговскій и Геесиманскій скиты. Всѣ богомольцы Троицкой Лавры спѣшаютъ помолиться и въ скитахъ. Приложиться къ Чудотворному образу Черниговской Божіей Матери, поклониться могилкѣ старца Варнавы, зайти въ Киновію на могилки—Филиппушки и его сыновей, вотъ обычное паломничество богомольцевъ.

Кто не знаетъ Смоленской Зосимовой пустыни, процвѣтающей и монашествомъ и старчествомъ!

Посмотрите на Киновію, въ нижнемъ храмѣ коей почиваютъ старцы, какъ и эта малая обитель, несмотря на скудость средствъ, благоукрашается и растетъ.

Труды старцевъ, политые по́томъ и слезами, положили твердое основаніе симъ тремъ обителямъ. Тысячи богомольцевъ отдыхаютъ въ нихъ душою, получаютъ благодатное угѣшеніе и руководство для своей жизни.

Однажды митрополитъ Леонтій, осматривая Черниговскія пещеры, спросилъ игумена: „Кто копалъ эти пещеры?“

— „Матерь Божія, Владыко святыи“.

— „Я спрашиваю, кто рылъ эти пещеры? Не Матерь же Божія?!“

— „Киновійскіе старцы—Филиппъ и его сыновья“,—смущенно отвѣтилъ игумень:—„Нарисовать здѣсь ихъ портреты, чтобы всѣ знали основателей пещер“, было приказаніе добраго и простаго сердцемъ Архипастыря. И понявъ мы видимъ на задней стѣнѣ изображенія схимонаха Филиппа и его сыновей.

Жаль, что очень скудныя свѣдѣнія записаны о жизни и трудахъ старцевъ.

По случаю кончины послѣдняго изъ нихъ, самаго младшаго, іеросхимонаха о. Василія, хочется, хотя вкратцѣ, записать его образъ, кончину и погребеніе.

О. Василій, за десять лѣтъ до своей кончины, принялъ схиму. Послѣ смерти брата іеросхимонаха о. Порфирія, онъ перешелъ въ его келлію и сталъ принимать народъ „на благословеніе“. У о. Василія всѣмъ находилось слово ласки и утѣшенія. Всѣхъ одѣлать крестиками, листочками. Кого чайкомъ попить, кому надѣнетъ схимническую свою шапочку, всѣхъ согрѣетъ святой любовью, простымъ словомъ назиданія. „Словно тяжелая шуба съ плечъ скатится, такъ легко бываетъ на душѣ, когда побываешь у о. Василія“,—говорили многіе изъ его почитателей.

Извѣстный публицистъ, священникъ Д. С. Дмитріевъ описываетъ интересный разговоръ, какъ онъ однажды съ своимъ спутникомъ навѣстилъ о. Василія. „Съ обычной добродушной улыбкой встрѣтилъ насъ старецъ“,—разсказываетъ о. Дмитрій Савватѣевичъ. Его добрые выразительные глаза ласково смотрѣли на насъ...

Когда мы поднимались по узкой лѣстницѣ къ схимнику, я замѣтилъ—мой спутникъ поблѣднѣлъ и сталъ отставать

— Что съ вами?—удивился я.

— Знаете ли, хотя это, можетъ быть, и смѣшно, но я робѣю.

— Что вы, чего?

— Схимникъ строгъ.

— Напротивъ, старецъ Василій—воплощеніе доброты.

Я представилъ своего спутника старцу.

— Садитесь, гости будете,—показывая на диванъ добродушно проговорилъ старецъ Василій.

Я поглядѣлъ на диванъ — все тотъ же, простой, старый, обитый ситцемъ диванъ. Сколько ужъ лѣтъ вижу я его у старцевъ. Въ переднемъ углу—иконы, налѣво отъ входа въ

Старецъ Василій.

келью—большое изображеніе св. старца Серафима, кормящаго медвѣдя... Портреты почившихъ старцевъ—Филиппа, Игнатія и Порфирія и тутъ же у стѣны большой, окрашенный желтой краской ящикъ...

Я уже зналъ, что это былъ за ящикъ и что въ немъ хранится, но мой спутникъ—не зналъ.

— Скажите, вы не знаете, что это?—тихо спросилъ онъ меня, указывая на ящикъ.

— Батюшка, благословите открыть ящикъ,—обратился я къ старцу.

— Открой, открой, покажи.

Я открылъ.

Мой спутникъ опять поблѣднѣлъ и отскочилъ отъ ящика...

Ящикъ имѣлъ форму низкаго шкафа съ двумя дверцами, а въ немъ стоялъ черный гробъ съ бѣлымъ крестомъ на крышкѣ.

— Испугался, домовища испугался,—старецъ добродушно засмѣялся...

— А ты не бойся смерти—умирать надо — день терять... Семи смертей не бывать, а одной не миновать, вѣдь такъ?—добавилъ старецъ, кладя свою руку на плечо моего спутника. Здѣсь мы всѣ, какъ въ гостяхъ, гостимъ, а сколько не гости—домой надо.

— Страшенъ переходъ, батюшка... — проговорилъ мой спутникъ.

— Лучше скажи—дорога дальняя, это точно, а перехода страшиться нечего. Когда ты собираешься куда, далеко, что дѣлаешь?—быстро спросилъ старецъ, устремляя свои глаза на моего спутника.

— Приготовляюсь, батюшка, къ дорогѣ, укладываю въ чемоданъ бѣлье, одежду, беру съѣстнаго...

— Такъ, такъ... Вишь какой запасливый... Ты вотъ и для будущей жизни всѣмъ запасайся... Выбери чемоданъ-то побольше-побольше, да не торопись и укладывай въ него добрыя дѣла. —А дѣлай-то все съ молитвою, да такъ чтобы лѣвая рука не знала, что творить правая; вотъ въ ту пору тебѣ и дальняя дорога не страшна будетъ. Ну, а теперь пойдемте-ка побалуемся китайской травкой... У меня вареньеце припасено; малинка изъ своего сада — слаще винограда... Покойный братенникъ мой о. Порфирій любилъ копаться въ саду и въ огородѣ, съ ранней весны—до поздней осени бывало роется въ землѣ съ лопатой... Недавно онъ мнѣ приснился, видно соскучился... Батюшку, братьевъ, сестеръ, невѣстокъ—всѣхъ похоронилъ, одинъ остался...

— Скучаете, батюшка?—спросилъ я.

— Зачѣмъ? Скука—грѣхъ. Скуку молитвой надо прогонять.

— А давно вы, отецъ святой, живете въ монастырѣ?—въ свою очередь спросилъ у старца мой спутникъ.

— Давненько, побольше полсотни.....

— Простите, батюшка, за нескромный вопросъ: а сколько вамъ лѣтъ?

— Со счету сбился... Считалъ, считалъ такъ и бросилъ. Десять годовъ мнѣ было, какъ я къ батюшкѣ въ монастырь пришелъ. Вотъ ты и сочти на-досугъ... А ты считать гораздъ?—опять быстро спросилъ схимникъ у моего спутника съ своей обычной улыбкой.

— Да, умѣю... Недаромъ проходилъ математику...

— Ма-те-ма-ти-ка... А что это за наука такая?

— Учить счету, считать.

— Хорошая, выходитъ, наука... Вотъ ты и считай свои грѣхи. Прожилъ день,—сочти, сколько согрѣшилъ, прибавь къ другому дню, къ третьему и — сколько у всякаго изъ насъ грѣховъ наберется—нѣсть числа! Грѣхи свои считай, рабъ Божій, а добрыя дѣла твои будетъ считать Богъ,—при этихъ словахъ старецъ повелъ насъ на „чаепитіе“: къ сѣнямъ съ лѣстницы пристроена была небольшая галлерейка, здѣсь стоялъ столъ, на которомъ кипѣлъ огромный самоваръ. Столъ покрытъ былъ скатертью. Какъ приятель, какъ сладокъ и вкусенъ былъ чай, предложенный намъ старцемъ! Его живая рѣчь уладила бы не только чай, но и горькую полынь.

Мой спутникъ покинулъ убогую келью старца Василя очарованнымъ, возвышеннымъ.

Едва вышли мы на монастырь, какъ онъ разсыпался предо мною въ благодарности и, крѣпко пожимая мои руки, говорилъ какимъ-то необыкновеннымъ голосомъ:

— „Спасибо, спасибо... Знаете-ли, скажу вамъ откровенно— бесѣдуя съ старцемъ, я чувствовалъ себя, какъ чувствуетъ всякій вѣрующій въ первый день Пасхи, за заутреней“.

Этотъ простой рассказъ бесѣды съ о. Василиемъ ясно свидѣтельствуешь, какъ благотно было вліяніе его на духовныхъ чадъ и посѣтителей.

Любовь отца Василя къ Киновійской обители была очень велика.

Не задолго до своей смерти, старецъ, несмотря на свою

болѣзнь и преклонный возрастъ, ѣздилъ въ Москву и лично просилъ благотворителей расширить храмъ. Почитатели отца. Василія, его отца и братьевъ, такъ тронуты были личнымъ посѣщеніемъ старца, что въ скорое время прекрасно расширили верхній и нижній храмы и приобрѣли колоколъ для Киновіи въ 228 пудовъ. За послѣдніе годы своей жизни о. Василій періодически страдалъ водяною ногою. Мучительная болѣзнь не позволяла прилечь старцу. День и ночь онъ сидѣлъ въ креслахъ. Удивительно, было терпѣніе старца! ни тѣни ропота, или унынія, полное благодушіе. Даже предъ смертію всѣмъ находится у него ласковое слово, всѣхъ благословляетъ, заботится чайкомъ угостить...

Въ послѣднюю ночь, предъ кончиною, слышится старцу служба Божія, видитъ своихъ братьевъ - іеросхимонаховъ— Галактіона и Порфирія въ священныхъ облаченіяхъ, служащихъ литургію...

Утромъ, послѣ приобщенія Св. Таинъ, въ 10 часу послѣдовала тихая, блаженная кончина старца іеросхимонаха о. Василія.

4 Апрѣля литургію и отпѣваніе о. Василія совершалъ о. намѣстникъ Лавры архимандритъ Кронидъ, въ сослуженіи строителя Киновіи о. Алексія и другихъ священнослужителей изъ киновійской и скитской братіи. Несмотря на бездорожье, лѣтній храмъ былъ полонъ почитателями почившаго старца. Всѣхъ объединяла любовь къ почившему. Во время причастнаго стиха произнесъ поученіе іеромонахъ-доцентъ Императорской Московской Дух. Ак. о. Пантелеимонъ. Онъ въ простыхъ и ясныхъ словахъ описалъ дѣтскую простоту и чистоту жизни о. Василія, его скорби и святую любовь ко всѣмъ.

На отпѣваніе старца къ служащимъ литургію присоединились: казначей Лавры архимандритъ Досиѣей, благочинный Черниговскихъ пещеръ о. Досиѣей и нѣсколько іеромонаховъ. Антифоны на отпѣваніи читали: о. намѣстникъ, о. Пантелеимонъ и о. Іонаванъ.

Торжественное богослуженіе, сонмъ священнослужителей, умиленное пѣніе братіи Геосиманскаго скита, выразительное чтеніе,—наполняло душу какимъ-то особеннымъ благоговѣніемъ и молитвою.

Послѣ отпѣванія, гробъ съ тѣломъ почившаго старца обнесень былъ вокругъ храма и положень въ нижнемъ храмѣ, въ лѣвомъ углу, на ряду съ братомъ почившаго іеросхимонахомъ.